

ДЖОН ГОЛСУОРСИ

ФРИЛЕНДЫ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Г61

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского *Е. Гольшевой*
Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*
Дизайн обложки *В. Воронина*

Голсуорси, Джон.

Г61 Фриленды : [роман] / Джон Голсуорси ; [перевод с английского Е. Гольшевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 416 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-183788-4

Англия, начало XX века. Страну раздирают на части противоречия между богатыми землевладельцами и живущими на их землях арендаторами. В этом конфликте эксцентричный лендлорд Тод Фриленд и его дети Дирек и Шейла неожиданно занимают сторону арендаторов — с особым рвением защищает их права благородный и решительный Дирек. Чтобы урезонить брата, из Лондона приезжает известный писатель Феликс с дочерью Неддой. Между Диреком и Неддой неожиданно возникают совершенно нежелательные чувства...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-183788-4 © Перевод. Е. Гольшева, наследники, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Свобода — торжественный
праздник.

Р. Бернс

Пролог

Как-то в начале апреля в Вустершире по единственной полосе земли, не поросшей травой, медленно двигался человек и сеял плавными взмахами сильной загорелой волосатой руки; роста он был высокого и широк в плечах. На нем не было ни куртки, ни шляпы; полы расстегнутой безрукавки, надетой поверх ситцевой рубахи в синюю клетку, хлопали по перетянутому поясом плисовым штанам, цветом своим напоминавшим его квадратное светло-коричневое лицо и пыльные волосы. Взгляд у него был грустный, рассеянный и в то же время напряженный, как у больных падучей, губы мясистые, и, если бы не тоскливое выражение глаз, лицо могло бы показаться грубым и чуть ли не животным. Его словно угнетала царившая вокруг тишина. На фоне белесого неба темнели окаймлявшие поле вязы с едва распутившейся листвой. Весна была ранняя, и легкий ветерок уже нес запахи земли и пробивавшихся трав. На западе высились зеленые Молвернские холмы, а неподалеку, в тени деревьев, стоял длинный деревенский дом из выветрившегося кирпича, повернутый фасадом на юг. И во всем этом зеленом мире не было видно ничего

живого, кроме сеятеля да нескольких грачей, перелетавших с вяза на вяз. А тишина стояла какая-то особенная, задумчивая, покойная. Поля и холмы будто посмеивались над жалкими стараниями человека их покалечить, над царапинами дорог, канав и поднятой плугом земли, над шаткими преградами стен и живой изгороди — зеленые просторы и белое небо словно сговорились не замечать слабых людских усилий. Как одиноко было вокруг, как глубоко было все погружено в басовое звучание тишины, слишком величественное и нерушимое для любого смертного!

Шагая поперек изрезанного бороздами поля, сеятель все кидал свои зерна в бурый суглинок, но вот наконец он швырнул последнюю горсть семян и замер. Дрозды еще только запевали вечернюю песню — ее радостные переливы надежнее всего на свете сулят вечную юность земле. Человек поднял куртку, накинуд ее на плечи, повесил на спину плетеную сумку и зашагал к обсаженной вязами дороге, которая поросла по краям травой.

— Трайст! Боб Трайст!

У калитки обвитого зеленью дома, стоявшего в фруктовом саду высоко над дорогой, его окликнул черноволосый юноша с легким загаром на лице; рядом с ним была девушка с курчавыми каштановыми волосами и румяными, как маки, щеками.

— Вас предупредили о выселении?

Великан медленно ответил:

— Да, мистер Дирек. Если она не уедет, придется уходить мне.

— Какая подлость!

Крестьянин мотнул головой, словно хотел что-то сказать, но так ничего и не выговорил.

— Пока подождите, Боб. Мы что-нибудь придумаем.

— Вечер добрый, мистер Дирек. Вечер добрый, мисс Шейла, — произнес крестьянин и пошел своей дорогой.

Юноша и девушка тоже ушли. Вместо них к калитке подошла черноволосая женщина в синем платье. Казалось, она тут стоит без всякой цели; быть может, это была особая вечерняя церемония, какой-то ритуал вроде того, что выполняют мусульмане, заслышав крик муэдзина. И если бы кто-нибудь ее увидел, то не понял бы, на что устремлен взор ее темных горящих глаз, глядевших поверх белых, окаймленных травой пустынных дорог, которые тянулись между высокими вязами и зелеными полями. А дрозды заливались песней, призывая всех убедиться, какая юная, полная надежд жизнь расцветает в этом уголке сельской Англии...

Глава I

Майский день на Оксфорд-стрит. Феликс Фриленд, чуть-чуть опаздывая, спешит из Хемпстеда к своему брату Джону на Порчестер-гарденс. Феликс Фриленд — писатель и первым в этом сезоне надел серый цилиндр. Это уступка, как и многое другое в его жизни и творчестве, компромисс между оригинальностью и общепринятым взглядом на жизнь, любовью к красоте и модой, скептицизмом и преклонением перед авторитетами. После семейного совета у Джона, где они должны обсудить поведение семьи их брата, Мортон Фриленда, более известного под прозвищем Тод, он, наверно, зайдет в Английскую галерею поглядеть на карикатуры и нанесет визит одной герцогине в Мейфэре, чтобы побеседовать с ней о памятнике Джорджу Ричарду. Вот поэтому-то он не надел ни мягкой фетровой шляпы, более подходящей к его писательской профессии, ни черного цилиндра, насмерть убивающего всякую индивидуальность, а прибег к этому серому головному убору с узкой черной ленточкой, который, по правде говоря, очень шел к его песочно-желтому лицу, песочным усам, уже тронутым сединой, к черному, обшитому тесьмой сюртуку

и темно-песочному жилету, к изящным штиблетам — конечно, не лакированным! — слегка припудренным песочно-желтой пылью этого майского дня. Даже его серые, как у всех Фрилендов, глаза словно стали чуть-чуть песочными от сидячего образа жизни и излишней впечатлительности. Его угнетало, к примеру, то, что прохожие так отчаянно некрасивы, — и женщины и мужчины уродливы особым уродством не подозревающих этого людей. Его поражало, что при таком количестве уродов численность населения еще достигает подобного уровня! Благодаря его обостренному восприятию всякого несовершенства, это казалось ему просто чудом. Нескладный, убогий народ — эта толпа, заполняющая магазины, эти рабочие! Какие беспросветно заурядные лица! Но как это изменить? Вот именно — как? Они ведь и не подозревают о своей угнетающей заурядности. Почти ни одного красивого или яркого лица, почти ни одного порочного, и уж вовсе ни одного озаренного мыслью, страстью, злодейством или величием. Ничего от древних греков, ранних итальянцев, елизаветинцев или даже от пресыщенных мясом и вином подданных королей Георгов. Во всех этих встречах была какая-то скованность, какая-то подавленность, что-то от человека, покоящегося в мягких кольцах удава, которые вот-вот начнут сжиматься. Это наблюдение доставило Феликсу Фриленду легкое удовольствие. Ведь его профессией было замечать, а потом увековечивать свои наблюдения на бумаге. Он был уверен, что не многие замечают подобные вещи, и это сильно поднимало его в собственных

глазах и приятно согревало. Согревало еще и потому, что его постоянно превозносила пресса, которой — как он знал — приходилось печатать его имя не одну тысячу раз в год. Но в то же время, будучи человеком просвещенным и принципиальным, он презирал дешевую славу и теоретически признавал, что истинное величие — в презрении к мнению света, а особенно к мнению такого непостоянного ценителя, как «шестая держава». Но и в этом вопросе, как и в выборе головного убора, он шел на компромисс: собирал газетные вырезки, где говорилось о нем и о его книгах, хотя никогда не упускал случая назвать эти отзывы — хорошие, плохие и неопределенные — писаниной, а их авторов — субъектами.

Мысль, что страна переживает тяжелые времена, была для него неновой. Наоборот, это было глубочайшее его убеждение, и он мог привести в подтверждение веские доказательства. Во-первых, виной была та чудовищная власть, которую за последнее столетие приобрела в стране индустриализация, оторвавшая крестьян от земли, и, во-вторых, — влияние узколобой и коварной бюрократии, лишаящей народ всякой самостоятельности.

Вот почему, отправляясь на семейный совет к брату Джону, видному чиновнику, и к брату Стенли, индустриальному магнату и владельцу Мортонского завода сельскохозяйственных машин, он чувствовал себя выше их, ибо он, во всяком случае, не был виновен в том параличе, который грозил охватить страну.

И с каждой минутой все больше покрываясь желтоватым румянцем, он продолжал свой путь, миновал Мраморную арку и оказался среди толпы в Гайд-парке. Кучки молодых людей, полных рыцарского благородства, осыпали градом насмешек расходившихся участниц суфражистского митинга. Феликс раздумывал, не противопоставить ли их силе свою силу, их сарказму свой сарказм или, уняв свою совесть, пройти мимо, однако и тут победил инстинкт, вынуждавший его носить серый цилиндр, — он не сделал ни того ни другого и просто стоял, молча и сердито поглядывая на толпу, которая сразу же стала отпускать по его адресу шуточки: «Ну-ка сними его!», «Держи, чтобы не слетел!», «Ну и труба же!» — правда, ничего более обидного. А он размышлял: культура! Разве культура может развиваться в обществе, где царит слепой догматизм, нищета интеллекта, дешевые сенсации? Лица этой молодежи, интонация, речь и даже фасон котелков отвечали: нет! Вульгарность их непроницаема для воздействия культуры. А ведь они будущее нации, вот эта невыносимо отвратительная молодежь! Страна поистине слишком далеко ушла от «земли». И ведь городской плебс состоит не только из тех классов, к которым принадлежат эти молодые люди. Он замечал его характерные черты даже у школьных и университетских друзей своего сына: отрицание какой бы то ни было дисциплины, равнодушие ко всему, кроме сильных ощущений и удовольствий, а в голове путаница случайно нахватанных знаний. Все их стремления были направлены на то, чтобы урвать лакомый

кусок в чиновном или промышленном мире. Этим был заражен даже его сын Алан, несмотря на влияние семьи и художественную атмосферу, в которой его так старательно взращивали. Он хотел пойти работать на завод к дяде Стенли, надеясь получить там теплое местечко...

Но последний женоненавистник уже прошел мимо, и, сознавая, что он опаздывает, Феликс поспешил дальше...

Стоя перед камином в своем кабинете, довольно уютном, но слишком аккуратно прибранном, Джон Фриленд курил трубку, задумчиво уставившись в пространство. Он размышлял с той сосредоточенностью, которая характерна для человека, завоевавшего к пятидесяти годам высокое и устойчивое положение в министерстве внутренних дел. Начав свою карьеру в инженерных войсках, он на всю жизнь сохранил военную выправку, серьезность, пристальный взор и обвислые усы (чуть более седые, чем у Феликса). Лоб его полысел от прилежания и сноровки в обращении с деловыми бумагами. Лицо у него было более худое, а голова более узкая, чем у брата, и он научился смотреть на людей так, что они сразу же начинали в себе сомневаться и чувствовать слабость своих доводов. Сейчас, как было уже сказано, он размышлял. Утром он получил телеграмму от брата Стенли:

«Сегодня приеду на автомобиле в Лондон по делам. Попроси Феликса быть к шести. Надо поговорить о положении в семье Тода».

Какое положение? Он, правда, что-то мельком слышал о детях Тода и об их возне с тамошними батраками. Ему это было не по душе: уж очень в духе времени все эти беспорядки и демократические идейки! Заведут страну черт знает куда! Он считал, что страна переживает тяжелые времена отчасти из-за индустриализации с ее губительным влиянием на здоровье, отчасти из-за этой страсти современной интеллигенции все критиковать, страсти, столь губительной для нравственных устоев. Трудно переоценить вред, которым чреваты оба эти фактора. И, раздумывая о предстоящем совещании со своими братьями (один из них был главой промышленного предприятия, а другой — писателем, чьи книги, крайне современные, он никогда не читал), Джон Фриленд где-то в глубине души чувствовал, что его совесть, пожалуй, чище, чем у них обоих. Услышав, что у дома остановился автомобиль, он подошел к окну и посмотрел на улицу. Да, это Стенли!..

Стенли Фриленд, приехавший из Бекета, загородного дома, расположенного недалеко от его завода сельскохозяйственных машин в Вустершире, постоял минуту на тротуаре, разминая длинные ноги и давая распоряжения шоферу. Его дважды задержали во время пути, хотя они ни разу не превысили скорости — так он, во всяком случае, считал и был все еще рассержен. Ведь он принципиально всегда соблюдает умеренность — и в езде, и во всем остальном. В эту минуту он особенно остро чувствовал, что страна переживает тяжелые времена, ее разъедают бюрократические порядки с их иди-

отскими ограничениями в скорости езды и в свободе граждан, а также все эти передовые идейки новоявленных писак и умников, вечно болтающих о правах и страданиях бедноты. Нет, и то и другое явно мешает прогрессу. Пока он стоял на тротуаре, его так и подмывало выложить Джону напрямик все, что он думает по поводу посягательств на свободу личности; да он не постесняется задать перцу и братцу Феликсу за все его возмутительные теории и постоянные насмешки над высшими классами, предпринимателями и всем прочим. Если бы он хотя бы мог что-нибудь этому противопоставить! Капитал и те, кто им владеет, — становой хребет нашей страны или по крайней мере того, что от нее оставили эти проклятые чинуши и эстеты! И, нахмутив прямые брови над прямым разрезом серых глаз, прямым, коротким, обрубленным носом, еще короче обстриженными усами и тупым подбородком, он все же решил ничего не говорить, не желая давать воли даже собственному гневу.

Тут, заметив приближение Феликса — в сером цилиндре, черт побери! — он направился к дверям — высокий, широкоплечий, представительный — и позвонил.

Глава II

— Так что же происходит у Тода?

Феликс чуть-чуть подвинулся на стуле, с любопытством глядя на Стенли, который приготовился взять слово.

— Дело, конечно, в его жене. Все было ничего, пока она только пописывала, разглагольствовала и занималась этим своим Земледельческим обществом, или как его там называли — на днях оно испустило дух, — но теперь она и эти двое ребят впутались в наши местные свары, и я считаю, что с Тодом надо поговорить!

— Муж не может заставить жену отказаться от ее убеждений, — заметил Феликс.

— Убеждений? — воскликнул Джон.

— Кэрстин — женщина с сильным характером, революционерка по натуре. Разве можно ожидать, что она будет поступать так, как поступали бы вы?

После этих слов Феликса воцарилось молчание. Потом Стенли проворчал:

— Бедняга Тод!

Феликс вздохнул, на миг погрузившись в воспоминания о своей последней встрече с младшим братом. Это было четыре года назад летним вечером. Тот стоял между своими детьми Диреком и Шейлой в дверях белого дома с черными балками, увитого плющом; его загорелое лицо и синие глаза дышали удивительным покоем.

— Какой же он бедняга? — спросил Феликс. — Тод гораздо счастливее нас с вами. Вы только на него посмотрите.

— Эх! — вдруг вздохнул Стенли. — Помните его на похоронах отца, как он стоял без шляпы и словно витал в облаках? Красивый малый наш Тод! Жаль, что он такое дитя природы.

Феликс негромко заметил: